

A misty forest scene with tall, thin trees and a person walking away on a path. The atmosphere is ethereal and slightly somber. The person is wearing a bright yellow jacket, which stands out against the muted colors of the forest. The path is covered in fallen leaves and leads into the distance, disappearing into the fog. The trees are tall and slender, their branches reaching up into the mist. The overall mood is mysterious and contemplative.

16+

К. Рогнич

Бежать

рассказ

К. Рогнич

Бежать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65895417

SelfPub; 2021

Аннотация

Маленькая девочка посреди огромного леса. Сбивчивое дыхание и море крови за спиной. Что заставляет её бежать, бежать сквозь чащу всё дальше от когда-то уютного дома, бежать, задыхаясь в рыданиях? Сможет ли она остановиться? Сможет ли понять, что произошло? Найдёт ли в себе силы вернуться назад, и будет ли это правильным решением?

К. Рогнич

Бежать

В голове у девочки билась одна-единственная мысль: «Бежать!». Эта мысль как будто вытеснила всё остальное – кроме неё не было больше нечего. Девочка вряд ли вспомнила бы сейчас собственное имя, даже если бы у неё было время подумать о подобной мелочи. «Бежать» заняло всё её существо, вытеснило любые другие воспоминания и идеи.

Оно горело под её веками огромными буквами, перекрывая всё вокруг. Мир перестал существовать, стал едва различимым из корчащихся и извивающихся «Б», «Е», «Ж»... Беги, чёрт тебя дери! Беги что есть сил! Беги, беги, даже если их нет.

А сил уже почти не было. Она, конечно, понятия об этом не имела, точно так же, как и о том, как долго она бежит. Минуту? Десять? Час? Вечность? Девочка не думала об этом. Ничто не пробивалось сквозь пелену одного только слова. Бежать!

Где-то вдали раздался выстрел. Треснул, раскололся, пошёл трещинами воздух, а вместе с ним и купол, не пускавший посторонние мысли. Страх пробил всё её существо. Страх был таким сильным, что уничтожил даже ту единственную команду, которая сейчас руководила телом. На долю секунды «Бежать!» куда-то исчезло, но и этого мгнове-

ния оказалось достаточно – ноги сразу же отказались повиноваться. Так и замерли в воздухе, растерянные и обессиленные. В следующий миг девочка уже лежала в грязи.

Земля была мокрой, холодной, пропитанной дождём и травяными соками. Сплошное месиво. Кажется, довольно много попало в ухо, да и в рот тоже. Девочка провела языком по губам – песок, влага. Она только теперь вспомнила о дожде.

А это был настоящий ливень. Стоило выглянуть из-под чёлки, и вот он уже заливает глаза, ручьями льётся по щекам. Хотя нет. Это, наверное, слёзы, подумала она. И разрыдалась ещё сильнее. Она рыдала так сильно и громко, что, казалось, вот-вот перекричит дождь. Так разрывали рыдания её горло, будто не помещались внутри, будто сдавливали своей массой каждый орган в глубине её маленького дрожащего тела.

Это тело свернулось сейчас калачиком где-то среди корней деревьев. Это тело совершенно отказывалось повиноваться – разве только голова моталась из стороны в сторону. Непонятно, для чего. Может, чтобы легче рыдалось.

А вверху, ужасно далеко от тела, огромные капли отбивали нестройные ритмы по листьям, веткам и стволам. Огромные каштаны и ясени безвольно трепетали от порывов ветра. Девочка почему-то подумала о том, что теперь они так же беспомощны, как и она. Слёзы опять обвили шею тугой петлёй, застлали глаза, скрыли удары молний и трепет листвы. «Как же больно», – подумала девочка, и подумав, сама уди-

вилась своей способности порождать хоть какие-то мысли. Это было, конечно, совершенно бесполезно. Это было даже плохо: теперь она могла вспомнить всё, что привело её сюда.

При мысли о том, что всего полчаса назад – полгода? полвека? – всё было так спокойно и обычно, она почти физически ощутила, как новая порция рыданий иглами впились во всё её существо.

Всего полчаса назад был стол. Был вечер. Была старая, потускневшая от времени лампа, и был её тёплый свет. В этом свете всё казалось ужасно близким, немного жёлтым, и оттого уютным. Этот свет, неизменно окрашивающий золотом каждый вечер на протяжении десяти лет – по крайней мере, столько лет она жила на свете – заставлял всё вокруг отбрасывать очень правильные и чёткие тени. Совсем чёрные, они казались почти осязаемыми. Они как будто создавали защиту, ограждали всех, сидящих за столом, от внешнего мира. Как будто бы.

Сейчас под защитой была вся семья: мама раскладывала по тарелкам сияющую теплотой еду, то и дело заправляя волосы за ухо. Девочка любила этот жест: почти прозрачная прядка исчезала, обнажая висок и скулу. Они были тонкими и такими изящными, как будто мама была и не мамой вовсе, а древней статуей какой-то богини. И ещё она улыбалась, и медленно смыкала веки, и цепочки на её шее тихо позвякивали, когда она наклонялась. Это были удивительно краси-

вые цепочки, ужасно хрупкие, ужасно дорогие и так и горящие золотым огнём при свете старой лампы.

— Положить тебе кукурузы? А тебе, Мэг?

Конечно, девочку звали Мэг. Теперь она вспомнила это. Теперь, когда по коленям стекали холодные струйки грязи, а желудок разрывался от рвотных позывов, он вспоминала всё с потрясающей точностью.

Кукуруза так и светилась своим жёлтым цветом.

— Да, пожалуйста. – И Мэг приподняла тарелку своими слабыми ручками.

Папа только что взял себе сразу два кочана. Он сидел во главе стола, хотя, строго говоря, стол был совершенно квадратным, и никакой главы у него не было. Но воспринималось это именно так. Он казался большим. Очень большим и сильным. Его тень покрывала полстены и, уж конечно, защищала надёжней всего на свете. И ещё он улыбался, но немного иначе: его улыбка терялась под рыжеватыми усами, а не горела перламутровыми бусинами, как мамина. Зато сквозь щётку усов пробивались морщины – две глубокие, длинные линии от крыльев носа до самого подбородка. И, конечно, множество маленьких морщинок-лучей разбегалось из уголков глаз. Мэг готова была поклясться, что это были самые честные глаза на планете. И, уж конечно, самые добрые.

Он улыбался им всем, но прямо сейчас – рослому мальчишке, сидящему напротив. У них было какое-то общее дело, над которым они трудились добрых полдня и теперь,

уоставшие и голодные, оба пытались прекратить его обсуждение. Мама очень не любила разговоры о работе во время еды. А расстраивать маму никто не хотел.

Роджеру едва исполнилось пятнадцать лет, но Мэг он казался фантастически, необычайно взрослым – почти что настоящим мужчиной. Он только посмеивался над ней и трепал по волосам: «Дурашка ты. Когда мне было десять, я так же думал. Но я ещё на самом деле маленький. Почти как ты.»

Он тоже очень хорошо улыбался – чуть приоткрывая рот и почти неприлично растягивая губы. Они у него были розовыми, тонкими и даже немного сбрызнутые веснушками. Всё его лицо было в веснушках. И шея, и плечи, и уши. Он как будто ограбил всю семью, собрав на своём теле эту необычайную россыпь. От этого его лицо выглядело ещё более открытым и добрым, даже почти простецким. Мэг это нравилось. Уж по крайней мере, он не зазнавался и всегда производил впечатление человека, к которому можно обратиться за помощью. Да так оно, в общем, и было.

Все они, вчетвером, сидели в тесном круге. Мама осторожно протянула свои нежные, почти прозрачные руки и оправила светлые волосы обоих детей. Роджер потрянул головой:

— Ну маам!

Она тихонько рассмеялась и смех тут же напитался золотым светом.

— Какой ты большой у нас, а? Ладно, обещаю, больше так

не буду.

— Он не большой, а больно умный. — буркнул папа. Незлобно, а, скорее в шутку. Роджер скорчил гримасу, заставив сестрёнку хихикнуть.

В окно брызнули первые капли дождя, а следом чуть слышно грохотнуло: начиналась гроза. Свет теперь казался ещё более уютным.

— Можно он мне сегодня почитает в нашей палатке, мамочка?

— Это кто это «он»?

— Роджер.

— Вот так и говори — можно Роджер...

— Так можно Роджер мне почитает в палатке?

— Если сам захочет.

Большие глаза Мэг уставились на Роджера. Казалось, они переполнены совершенно невинной мольбой. Она так любила эти вечера — они вдвоём забирались в старую холщовую палатку, бывшую когда-то разноцветной и яркой, зажигали гирлянду и пару лампочек, обкладывались подушками и... Роджер открывал очередную толстую книгу. Она слышала слабый хруст корешка и шелест страниц. «Вот тут очень хорошее место» — говорил он после недолгих поисков. Роджер читал все книги, что были в доме, и не раз. Он был восхитительно умён.

Она зарывалась в подушки и, опираясь щекой о собственные руки, заглядывала ему под локоть. Читая, брат скользил

пальцами по стройным рядам букв и Мэг завораживали эти движения, этот голос, эти блестящие следы на странице. Она засыпала – плавно и незаметно проваливалась в объятия этой маленькой палатки. А на следующее утро магическим образом оказывалась в своей кровати. И не было ничего прекраснее этих ночей.

Сейчас девочка молила всех богов мира, чтобы Роджер сказал «да».

— Конечно, нетрудно. – широко улыбнулся тот и Мэг просияла. – Я как раз нашёл замечательный рассказ Брэдбери, подумал, нужно и тебе прочесть.

— Спасибо! Огромное спасибо тебе!

— Не кричи за столом, дорогая.

— Прости, мамочка.

Она видела их улыбки и ей было очень хорошо. Так и хотелось кричать от радости – и плевать, если за столом.

— Ты из неё вырастишь настоящую интеллектуалку, Роджер. – в голосе папы сквозила гордость. – В школе всем нос утрёт. Представь, приходишь ты после лета и...

Его прервал стук в дверь. Отрывистый, сухой и очень-очень громкий.

«Тук. Тук. Тук.»

Тогда эти три удара не показались чем-то судьбоносным. Они, конечно, вызвали любопытство, даже откровенное удивление. Ну кто это может быть – здесь, на самом краю леса, в девять часов вечера? Но кроме этого Мэг не чувство-

вала ничего. Что-то необычное произойдёт сегодня вечером, разве не здорово? Когда тебе десять лет любая мелочь, меняющая привычный порядок вещей, кажется праздником.

Сейчас, пытаясь опереться дрожащими руками обо что-то твёрдое, пытаюсь выкарабкаться из холодного месива и не сломаться пополам от собственных истерических воплей, она как будто выросла на сотни и сотни лет. Как могла, Мэг пыталась отогнать воспоминания о трёх ударах в дверь, но они снова и снова нагоняли её, валили на землю и заставляли задыхаться от ужаса. Именно это чувство внушали они теперь. Ужас и безнадёжность. Не было в мире ничего более пугающего, чем этот звук. Даже сквозь паутину времени этих минут и часов он продолжал резать уши и насквозь промораживать внутренности.

Но тогда всё было хорошо. Может, только родители слегка тревожно переглянулись. Может, взгляд отца на долю секунды метнулся к ружью у дальней стены. А может, и того не было.

— Я открою. — сказал он, тяжело приподнимаясь со стула. Мэг и сейчас слишком отчётливо помнила, как он отёр покрытые маслом пальцы, и как тепло продолжали блестеть на тарелке его любимые вяленые томаты.

Роджер чуть вытянул шею, пытаясь разглядеть того, кто стоял за дверью. Мэг и маме пришлось немного наклониться всем телом. Крупная фигура отца уже почти вплотную приблизилась к ручке, когда раздался повторный стук.

«Тук. Тук. Тук.»

Вспомнив его теперь, девочка вновь повалилась на грудь и до боли сжала в зубах измазанную грязью кисть руки. Почему. Почему они не поняли этого тогда. Почему не испугались. Зачем открыли чёртову дверь.

— Иду-иду, – голос папы звучал добродушно. Возможно, он и был озадачен, но по привычки пытался изобразить из себя Доброго Фермера. – Кто же там такой нетерпеливый? Вы уж погодите немного, сейчас с замком справлюсь. – он говорил громко и очень добродушно, как будто пытался сгладить неловкость от собственного промедления. Мама приподнялась со стула, чтобы помочь ему. – Заедает его иногда. А мы закрываем плотно, сами понимаете, какой час... Всякое может быть в этих краях.

Да, всякое может быть. Он сам говорил это. Так почему же он не подумал, что всякое может быть прямо здесь и сейчас? Почему, произнося эти слова, не вспомнил о том, зачем им был нужен этот неповоротливый замок? Почему так просто поверил шести сухим стукам?

— Вот так.. Дёрни чуть сильнее, он и поддаётся. Надо будет нам с Роджером его подлатать, а Род? Что ж, простите за промедление, ради...

Он не договорил. Слова, которые он собирался произнести, повисли в воздухе, как будто наткнулись на невидимый штырь. На какое-то едва уловимое мгновение в комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом дождя.

Мэг видела, как лицо нахмурилась мама, как сделала пару нерешительных шагов в сторону выхода.

Больше она не успела. Всё ещё стоя спиной к кухне, едва различимый среди теней, папа как-то странно, почти судорожно, махнул рукой назад. *Он хотел сказать «Бегите» – думала Мэг теперь. Он хотел, чтобы мы не приближались. Он и сам хотел не приближаться, никогда не приближаться к этой двери и к тому, кто стоял за ней.*

Они не поняли этого тогда – потому что на размышления было дано какие-то полсекунды. Они даже не успели озадаченно нахмурить брови или приоткрыть рот, чтобы задать вопрос. Потому что раздался выстрел.

Он был до безумия странным, и в то же время – невероятно обыкновенным. Именно это и казалось самым странным. Что-то грохотнуло, грохотнуло так громко, что у Мэг заложило уши, а пол под её ногами коротко задрожал. Вспышка света, яркая, слишком горячая, почти лиловая, ударила по глазам. Девочка почему-то подумала, что эта вспышка чем-то похожа на те, что бывают в мультфильмах. Дурацкая и такая жалкая мысль.

Крик раздался до того, как едкий дым успел проникнуть в комнату. И до того, как отцовское тело, странно, как будто неуверенно качнувшись из стороны в сторону, рухнуло на землю. Оно как будто никогда и не было телом: просто с ужасным шумом вдруг оказалось на полу. Он лежал ровно в той же позе, в какой только что стоял, и Мэг ясно видела,

как блестит его голова. Теперь она казалась какой-то неправильной, будто кривой.

Крик всё нарастал. С трудом оторвав взгляд от мокрого блеска на полу, девочка перевела взгляд на маму. Женщина стояла, странно изогнувшись, как если бы её ударили в живот. Своими тонкими, окрашенными золотом пальцами она сминала кожу на лице, как будто пытаясь вырвать собственный рот и тем самым заглушить крик. Мэг видела, как выпучились и исказились её глаза, и как содрогались изящные плечи.

Где-то совсем близко, и вместе с тем невозможно далеко, раздался щелчок затвора. Он был слышен так глухо, как будто отделялся от стола метрами и метрами воды. «Щщёлк!»

В следующую секунду весь мир смазался, а на плече Мэг оказалось что-то очень сильное и горячее. Это что-то толкнуло её вниз, под стол, стащило со стула и почти ударило об пол. Ошарашенная, она едва успела понять, что «чем-то» была рука Роджера, когда уши снова наполнил грохот. Крик как будто утонул в этом грохоте. Он съёжился, сжался и исчез совсем. Когда под столом появились первые струйки сизого дыма, на месте крика висел только слабый хрип.

Мэг с ужасом наблюдала, как мамины ноги – такие белые, тонкие, чуть округлые ноги греческой богини – тяжело отступили куда-то к стене. Они путались, бились одна о другую и еле отрывались от пола. И ещё, кажется, что-то капало на них с подола юбки. Бледную кожу разрезали полосы тёмной

жидкости. Стало ужасно тихо. Девочка замерла, всё ещё чувствуя на плече пальцы брата, не в силах оторвать глаз от трясущихся материнских ног.

Когда хрип раздался снова, прогремел второй выстрел. Колени дрогнули последний раз и, выскользнув из-под подола юбки, светлыми пятнами устремились вниз. Мэг даже зажмуриться не успела, когда на полу, совсем рядом с ней, растянулась грудa чего-то человекоподобного. Эта мешанина тканей, волос и цепочек, эта грудa из золотого цвета, тонких скул и двух огромных влажных дыр где-то в животе. Что-то, что всего секунду назад было мамой.

Ровно в этот момент (она теперь понимала это, тогда ей казалось, что она глядела на труп десятки, сотни, может быть, даже сотни тысяч лет) пальцы на её плече сжались так сильно, что в глазах потемнело. Мэг почти закричала, когда е внезапно вышвырнуло из-под стола. Она врезалась во что-то и покатилаcь по полу. Раздался топот, ужасный топот многих-многих ног, грянул ещё один выстрел и, кажется, зазвенело стекло. Что-то треснуло, рухнуло, а руки опять подхватили её безвольное тело.

Лампа над столом со звоном разлетелась в стороны. Свет погас. Раздался новый выстрел

Бледное лицо Роджера маячило совсем рядом, то и дело ускользало и появлялось вновь. Его рот был разинут: чёрной пропастью он изрыгал ей в лицо крики и вопли. Мальчик то и дело отворачивался и направлял эти вопли куда-то ещё, но

уже иначе – злобно и отчаянно. Кажется, он поднял её над землёй, кажется, он толкал её, кажется, он бежал и пригибался и прятался за диваном, и всё кричал, и кричал, и кричал...

А потом они оказались совсем близко к выходу. Мэг услышала ещё один выстрел и уже почти открыла рот, чтобы закричать. Она почти видела тяжёлые шаги, наступающие их, она чувствовала, как смерть разбрасывает в стороны обломки мебели и осколки тарелок.

Но Роджер не дал ей издать и звука. Он издал его сам.

— Беги! Беги, Мэг, живо, ЖИВО! БЕГИ!!!

Невероятно мощный толчок выбросил её на улицу. Толчок, в котором смешалось так много боли, отчаяния и животного ужаса, что, как Мэг думала теперь, он забрал у Роджера последние силы. Будь этот толчок хоть немного сильнее, у неё бы треснули рёбра.

Девочка выкатилась в дверной проём. Ступеньки больно оцарапали ей спину, а ноги и руки тут же покрылись слоем липкой грязи. Но хуже всего было то, что, переваливаясь через порог, она ясно ощутила под собой что-то мягкое, липкое и тёплое. Что-то, что, она знала, несколько минут назад добродушно улыбалось из-под пышных усов.

Роджер всё ещё что-то кричал ей вслед. Разобрать, что именно, было невозможно из-за оглушительного шума ливня. Но это было неважно. Она знала, что это за слова. Это был приказ – единственный и истошный. Приказ бежать.

И она побежала. С трудом выкарабкавшись из вереницы луж и даже не успев распрямиться в полный рост, девочка бросилась в сторону леса. Страх гнал её вперёд. Совершенно первобытный страх. Он заставлял её не думать о брате, заставлял забыть о лежащих на полу грудах одежды и мяса. Он толкал её вперёд, велел подниматься, когда она оскальзывалась, не обращать внимания на бьющие по лицу ветки деревьев. Он вёл её всё дальше сквозь лес. Страх был тем, что сохранило в её голове одну только мысль: «Бежать!»

Мэг тяжело перевалилась на спину. Дождь продолжал хлестать её по щекам неровными струями. Вся одежда промокла насквозь и теперь липла к перемазанному грязью телу. Это казалось таким поразительно несправедливым, таким неправильным. Так не должно было быть. Детям нельзя лежать на земле, и слишком долго мокнуть под дождём без зонта, и, в конце концов, в одиночестве валяться ночью посреди леса. Кто-то обязан был прийти и поругать её. Кто-то должен был взять её за руку, поднять с земли. Сказать, чтобы никогда больше не смела так делать. О, как же сильно Мэг сейчас хотелось, чтобы кто-нибудь её отругал.

Но никто не приходил. Лес трещал и плакал, шелестел миллиардами листьев, но ни одному из них не было до неё дела. *Теперь никогда никому не будет дела.*

При мысли об этом под веками что-то нагрелось и зашипало. Ужасно хотелось заплакать, но она не могла – слёзы закончились.

Она не знала, как долго лежит здесь. Знала лишь, что вставать бессмысленно. Ей ведь некуда было пойти. И не к кому. Она вспомнила выстрелы, которые слышала после того, как покинула дом. Они были такими громкими. Такими безжалостными. Ей не хотелось думать о том, что они значили, но теперь, когда первородный страх уже ушёл, усмирить поток мыслей казалось невозможным.

Роджер, думала она. Роджер, Роджер. Роджера... Она подумала о том, что вместо него на полу теперь лежит что-то скомканное, мокрое и тёплое. А может быть, уже холодное.

Когда ей было пять лет, мама рассказала ей о смерти. Роджер всё уже тогда знал, но сидел рядом – потому что это было слишком страшно вынести одной. Мама показала ей картинку кладбища и объяснила, что все-все однажды окажутся там.

«Они не будут больше дышать, двигаться, думать, разговаривать, понимаешь, милая? Все животные однажды умирают, и все люди тоже.»

«А когда?» – спросила тогда Мэг, хотя, вообще-то ей хотелось задать совершенно другие вопросы.

«Каждый умирает по-разному и каждый в своё время. Никто не знает, кто и когда умрёт.»

«Значит, мы все тоже умрём?» – спросила Мэг, и на этот вопрос она действительно хотела услышать ответ.

«Да, солнышко. Папа, и я, и Роджер... И даже ты... Когда-нибудь. Но я могу тебе сказать одно – это произойдёт очень скоро.»

«Ты же сказала, что этого никто не знает.»

«Правильно. Ты молодец, что слушаешь меня. Но это я точно знаю, поверь мне. Кое-что твоя глупая мать всё-таки знает»

И она обняла Мэг, и Роджера и, наверное, поцеловала их в макушки, как она всегда делала, а Мэг вдохнула тёплый запах её кожи, коснулась носом тоненькой цепочки на шее, и совершенно успокоилась. Она тогда успокоилась настолько, что забыла свой главный вопрос.

«А это больно?» – спросила она потом у Роджера. Всё-таки, он уже знал всё.

Но Роджер только пожал плечами:

«Не знаю. Наверное, смотря, как ты умрёшь. Я не знаю, больно ли само умирание, если честно. И, думаю, никто этого не знает. Меня это пугает, если честно» – доверительно прибавил он тогда.

Теперь-то он узнал. Узнал, потому что мамыны обещания ничего не значили. Мама тоже ничегошеньки не знала. И теперь она валялась в углу кухни, как дырявая тряпичная кукла.

Мэг закрыла глаза и взвыла. Вой получился совсем тихим и сразу утонул в дожде. Ей хотелось перекрычать этот дурацкий шум, который словно насмеялся над её болью. Хотелось орать так громко, чтобы человек, покидавший сейчас её дом, упал замертво от удара звуковой волны. Но горло слишком ослабло от бесконечных рыданий, а голова болела так, как

будто в следующую секунду должна была расколоться. Веки вдруг стали настолько тяжёлыми, что, казалось, все невыплаканные слёзы собрались именно в них. Медленно, слишком медленно они смыкались, и размыкались, и смыкались, и смыкались...

Когда девочка наконец открыла глаза, дождь почти кончился. Теперь он превратился в тонкую плёнку, занимавшую каждую клеточку пространства, делающую всё вокруг однотонным и блёклым. Голова всё ещё трещала по швам. А ещё было холодно. Просто до ужаса, до омерзения холодно.

В первые секунды после пробуждения Мэг, как это обычно бывает, не вспомнила ничего. Всё, что она чувствовала тогда – холод и влагу. Очень много холода и влаги. Сквозь пелену сна она даже успела подумать, неужели же её забыли перенести из палатки в кровать. Видимо, вот что случается, если провести ночь не в своей спальне.

А потом обрушились воспоминания. Гигантским шипом они пронзили всё её существо, ударили куда-то в спину, проломили грудную клетку и вышли наружу – все в крови и золотых цепочках. Мэг охнула и резко села. Виски от этого так и вспыхнули. Девочка плотно зажмурилась. Стоило сделать это, как перед глазами поплыли ярчайшие картинки: папа возится с дверным замком, вяленые помидоры на столе, мамин хрип, мамины ноги, едва волочащиеся по полу, размытые крики Роджера, звуки выстрелов и разлетающаяся на кусочки лампа...

Стараясь не разрыдаться, Мэг раскрыла глаза. Боже, как же холодно. Казалось невероятным, что этот холод вообще реален. Да и дождь, и лес тоже. Она сидела на земле, низко опустив голову, дрожа всем своим хрупким тельцем и думала. Может быть, всё это просто сон? Может, она луна-тик? Ведь такое вполне могло произойти – почему всё произошедшее не могло ей просто присниться? Может, Роджер прочитал ей что-то страшное, там, в палатке, а потом она, не просыпаясь, мучимая кошмарами, сорвалась с постели и убежала сюда.

Мэг всхлипнула и обняла себя за колени. Думать так было глупо, но приятно. Намного приятнее, чем просто сидеть здесь, посреди тёмного леса и сознавать, что весь привычный мир разлетелся на мелкие осколки, прямо как лампочка, когда-то наполненная тёплым светом. Чем знать, что никакого тёплого света не будет теперь никогда.

Почему-то в этот момент ей в голову пришла странная мысль. Теперь мыслям приходилось трудно – чтобы достичь сознания Мэг, им нужно было пробиться через скопившуюся в её голове вату. По крайней мере, так это ощущалось. Ваты было много, и она плотно набила собою всю черепную коробку девочки. Так было гораздо проще и куда менее больно.

Поначалу мысль была настолько слаба, что Мэг и не заметила её. Но, чем больше времени проходило, тем дальше и прочнее крепились её корни, тем уже вата могла их сдерживать. В конце концов непрощенная и какая-то даже глупая,

она сделалась ужасно громкой. Теперь она кричала с такой силой, что игнорировать её было невозможно.

И тогда эта идея вырвалась наружу – безвольные губы Мэг шевельнулись и выпустили её под дождь:

— Нужно забрать мистера Питерса.

Сказав это, девочка сделала попытку подняться. Сперва вышло плохо: всё её тело тряслось от холода и усталости. Но со второй попытки ей всё же удалось обуздать свои руки и ноги. Теперь она, почти выпрямившись в полный рост, прижималась к стволу векового дуба. Его пропитанная влагой кора царапала ладони, но Мэг этого не замечала.

Она сделала пару неуверенных шагов. Идти было трудно, на неё будто что-то давило сверху. Но девочка упорно продолжала двигаться вперёд. Мысль теперь завладела всем её существом. Под её влиянием она осторожно оторвала руки от дерева и, покачиваясь из стороны в сторону, неверной походкой пошла вперёд – туда, откуда несколько часов назад чудом спаслась.

Лес Мэг знала очень хорошо. Всё-таки, она проводила под его боком каждый день своей десятилетней жизни. Поэтому теперь найти обратную дорогу не составило особого труда. Она даже не успевала думать о том, как выбраться к дому. Ноги сами волочились в нужном направлении – то и дело спотыкаясь друг друга, заплетаясь в сорной траве и комьях грязи. Они знали, куда идти, хоть и понятия не имели зачем.

А вот Мэг имела.

Мистер Питерс был их морским свином. Ужасно старым и лохматым, почти не двигающимся и не издающим никаких звуков. Обычно он спокойно сидел в своей клетке на втором этаже и часами жевал салатный лист, уставившись в стену. Его привыкли не замечать, но Мэг очень его любила. Она даже иногда брала его в палатку, несмотря на запрет родителей.

«Мистеру Питерсу тоже интересно послушать тебя, Роджер» – разгорячённо шептала она брату, и он улыбался ей всеми своими веснушками.

Мистер Питерс обитал в их дома почти с самого своего рождения. Когда-то давно, три года назад, он был совсем маленьким и ужасно быстрым, а ещё постоянно верещал и просил есть. Мэг тогда побаивалась его, но теперь ей казалось, что они почти подружились. Иногда она приходила к его клетке – такой огромной, что там могло бы жить целое семейство таких же мистеров Питерсов – она рассказывала ему обо всём на свете. А иногда даже жаловалась или делилась секретами. Он, конечно, не мог ей ответить, а только мигал в ответ своими круглыми блестящими глазами-бусинками. Но девочка точно знала, что он всё прекрасно понимает.

То, что однажды мистер Питерс умрёт, она поняла совсем недавно. Более того, совсем недавно ей пришло в голову, что, скорее всего, он умрёт очень и очень скоро. И что в её вла-

сти немного отсрочить его смерть. Об этом ей сообщил папа. Именно по его совету она начала чистить клетку три, а то и четыре раза в неделю, постоянно следила за количеством корма в миске и очень-очень часто меняла воду.

Откуда же ей было знать, что свин переживёт всех остальных обитателей дома. Вот кого нужно было оберегать, подумала Мэг и снова почувствовала, как защипало где-то в носу.

Теперь она хотела вытащить зверька из дома. При мысли о том, что он сидит там, совсем один, напуганный и голодный, она приходила в ужас. Нельзя, ни за что нельзя было бросать там этот последний кусочек тепла и света. Последнее, что ещё дышало среди развалин прежней жизни. Она думала про то, что он, наверное, забился в угол клетки и не понимает, что происходит. Не знает, что это был за шум. Хочет пить и есть. Хочет, чтобы кто-то подошёл к нему и сказал пару слов.

О том, что вчерашний ночной человек (человек ли?) мог причинить вред её питомцу, Мэг почему-то не думала. Она боялась этого, конечно, но думать не смела. Откуда-то в ней поселилась уверенность, что, если много об этом размышлять, это случится на самом деле. Он не мог тронуть мистера Питерса. Не мог. Да он бы просто не посмел...

Когда сквозь сетку веток и уже почти невидимую пелену дождя наконец показался дом, всё тело Мэг так и дёрнулось от напряжения. Ей почему-то не было страшно. Она вообще не чувствовала ничего, кроме дикого желания вытащить несчастное животное из логова смерти. Но вместе с тем сам

вид этого здания, сам тот факт, что оно всё ещё стоит здесь – стоит, как ни в чём не бывало, целое и невредимое – потряс её до глубины души. Этот дом, *их дом*, как будто не знал о том, что произошло в его утробе, что случилось с людьми, сделавшими его частью своей семьи. Это злило Мэг, выводило из себя. Это сводило с ума.

Она осторожно выбралась из-за деревьев и шагнула на ведущую к дому дорожку, стараясь не поскользнуться. По этой вечно пыльной и ухабистой тропе они с Роджером ходили в школу. Мама махала им, стоя на крыльце и говорила, чтобы прибежали домой к обеду.

«Если ты ещё раз подумаешь об этом, Мэг...» – она не закончила фразу. Мысль скользнула в вату и скрылась где-то в глубине.

Почти не замечая движения собственных ног, девочка приближалась ко входу в дом. Посреди стены слепым провалом зиял прямоугольник темноты. Сбоку чуть слышно скрипела дверь, покачиваясь на ветру. А в самом низу, как будто очищенные от налёта мрака, торчали две ступни. Совсем мокрые и, конечно, почти каменные на ощупь. Мэг не знала. Она и не хотела знать.

Заходить в дом расхотелось. Она ни на секунду не подумала о том, что Ночной Человек может быть там, внутри. Это казалось невероятным, невозможным, абсурдным. Это не пугало её просто потому, что не могло быть правдой. Но ноги... Две большие широкие стопы на самом пороге дома...

Они заставляли думать о том, что ещё лежит на кухонном полу. О том, что придётся оказаться в одной комнате со всем этим. В одной холодной, тёмной комнате.

Но стоило подумать о том, зачем она пришла сюда, стоило только представить себе одинокого мистера Питерса – и сомнения как рукой сняло. У Мэг даже не было времени удивиться собственной смелости: она уже входила внутрь.

Кажется, одна из её ног всё-таки задела то большое и мокрое, что растянулось где-то внизу. Кажется, она даже размазала часть его по полу. Это что-то было ужасно холодным. Кажется. Мэг только плотнее сжала губы и мотнула головой. Она продолжила идти вперёд, к лестнице. Всё это казалось до абсурдного неправильным – идти по дому совершенно босой, да, к тому же, оставлять повсюду грязные следы. Проходя комнату, она неотрывно глядела вверх – так упорно, что глаза начали болеть, а мир порыли радушные переливающиеся круги. Мэг была этому только рада.

Оставалось только подняться на второй этаж. До мистера Питерса было рукой подать. Девочка осторожно взялась рукой за перила и сделала первый шаг, а затем второй и третий. Обычно деревянные ступеньки были самым шумным местом дома: они то и дело протяжно скрипели, детские ноги топали по ним невозможно громко, здесь скакали многочисленные йо-йо и мячики для тенниса. Теперь же они не издали ни звука.

Уже на середине лестницы Мэг поняла, что почему-то ста-

рается не шуметь. Она как будто боялась, что те штуки, что растянулись на кухонном полу, услышат её и оживут. Те штуки уже не были её семьёй и мысль о том, что они протянут к ней свои мокрые руки, заставляла ступать как можно тише. Почему-то это ужасно разозлило Мэг. Она не боится их. Она не дура. Она может шуметь, потому что знает – никто не поднимется с места. Ей нечего здесь бояться.

Вот что она подумала. И топнула ногой, так громко, как только могла. А потом ещё раз. И ещё. Топая, она поднялась уже на три ступени, как вдруг сверху раздался еле слышный звук, заставивший всё её существо похолодеть. Это был щелчок затвора. Ужасно сухой, пропахший металлом и криком. Она замерла на месте, изо всех сил вцепившись в перила. Только бы не упасть.

Воцарилась тишина. Мэг казалось, что её сердце стало гигантским и теперь бьётся в каждой клеточке её тела. Бьётся оглушительно громко, так, что его слышно даже в лесу.

— Только... Только попробуй... П-подойти сюда... Мр-разь... Я тебя... Я т-тебя добыю, слы-ышишь!

Ей показалось, она сейчас умрёт от счастья. Это был голос Роджера. Ужасно тихий, слабый, он то и дело сбивался, он дрожал так сильно, что почти срывался в писк, но это был он.

«Роджер!» – хотела закричать она, но не могла. Слова встали комом в горле, смешались со слезами облегчения. – «Роджер, Роджер, я, это я!»

Вместо того, чтобы бросать силы на эти возгласы, которые

всё равно никак не могли сорваться с губ, Мэг бросила их на то, чтобы оттолкнуться от ступеней и, громко-громко топая ногами, побежать наверх. В два прыжка она преодолела оставшиеся ступени и уже заворачивала за угол, когда смысл его слов наконец дошёл до её сознания.

Она вылетела в коридор второго этажа, не успевая затормозить. Ногти распороли обои на стене, ступни попытались извернуться в другую сторону, но бесполезно. Её так и вынесло вперёд, в объятия темноты и узкого пространства.

Прямо перед лицом Мэг, всего в каких-то тридцати сантиметрах, оказалось что-то длинное и круглое. Дуло винтовки, успела подумать она. А ещё успела увидеть глаза Роджера – перепуганные глаза на бледном веснушчатом лице.

«Нет, Роджер!» – так и не закричала она. Только дёрнулась, содрогнулась всем телом.

Грохота она не слышала. Всё просто поплыло куда-то вверх. Голова брата, белое пятно среди темноты, завертелась где-то в самом низу мироздания. Мэг знала, что он трясёт ею, как будто говорит «Нет», потому что это должно было исправить ошибку. Мэг знала, что он напуган настолько, насколько хочет сейчас разрыдаться. А ещё она знала, что сейчас в целом мире нет человека несчастнее, чем её брат.

Всё это пронеслось в её голове за долю секунды. Это было облако непреложных истин и мгновенных мыслей, до конца не осознанных, но очевидных. А в следующий миг она уже лежала на твёрдом полу. Ей стало вдруг ужасно больно. За-

саднило голову, взорвались под глазами мириады искр. Что-то рвалось внутри неё – как будто всё, что было ниже плеч, готово было оторваться, разлететься в стороны. Ей было так больно, что она не могла произнести ни звука.

А ещё ужасно хотелось плакать. Она уже почти ничего не видела: только помутневшие очертания стен и пола. И белое пятно, мечущееся совсем близко, но, вместе с тем, бесконечно далеко.

Она думала об этом пятне и о том, как не хочет с ним расстаться. О том, что пятно это – самое доброе и прекрасное, что есть в мире. О том, какая она глупая. О том, что теперь, из-за её глупости, пятно будет страдать. Вечно и непоправимо. Она не знала, откуда знает это слово – «непоправимо», но это было неважно.

Она хотела что-то сказать, но даже простой вдох причинил ей невыносимую, заглушающую любые мысли боль.

«Теперь я знаю, Роджер, что это больно.» – она проваливалась куда-то вниз, в ничто, всё глубже и глубже в черноту. – «Это так больно, Роджер. Умирать.»

Белое пятно совсем потерялось где-то в вышине. Оно никогда не узнает этого, успела подумать Мэг. И славно.